

С. А. Козлов

**Российское купечество конца XVIII в.: образы и стереотипы
(по материалам «Памятника претекших времен...» А. Т. Болотова)**

Документальное наследие писателя, переводчика, агронома, тульского помещика Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833) насчитывает в архивах Москвы и Петербурга (по подсчетам А. Ю. Веселовой) 372 единицы хранения общим объемом несколько десятков тысяч листов¹ и включает в себя многотомные рукописи — «Магазин достопамятных и любопытных известий и интересных бумаг, носившихся в народе» и «Домашний исторический магазин»². Болотов составил также «Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах» в 1796–1797 гг., которым дал общее название «Памятник претекших времен»³. Большая часть этой рукописи опубликована в 1875 г.⁴

В «Памятнике претекших времен» Болотова нашли отражение настроения, существовавшие в обществе в конце XVIII в. по отношению к купечеству. Купцы представлялись, как правило, откупщиками, наделенными стереотипными чертами: скупостью и алчностью в торговле, недоверием к образованию.

Так, Болотов сообщал, что объявление в стране траура в связи с кончиной 6 (17) ноября 1796 г. императрицы Екатерины II «возбудило во всех петербургских купцах обыкновенную и свойственную им жадность к прибытку» и они, воспользовавшись «необходимой надобностью всем в черных сукнах и материалах», стали продавать их «тройною и четверною ценою» и за короткое время смогли «весьма туго набить свои карманы». По словам Болотова, «возвышенная сия цена сделалась всем крайне чувствительна, а для

¹ *Веселова А. Ю.* Графомания как повседневная практика (на материале архива и мемуаров А. Т. Болотова) // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia litteraria Rossica.* 2018. N 11. S. 36.

² ОР РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 32–54, 78–95.

³ ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1. Ед. хр. 10, 11.

⁴ *Болотов А. Т.* Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах : [в 2 ч.]. М., 1875.

многих небогатых и над меру уже отяготительна». Сукно, которое еще вчера продавалось по цене по 5 и по 6 руб., поднялось в цене до 25 руб. Столь высокая цена «произвела ропот и негодование» у столичного населения и стала известна императору Павлу I, который «не укоснел зло сие в самом начале разрушить и непомерной сей алчности корыстолюбивых купцов положить пределы». Петербургской полиции предписывалось «настрожайшим образом всем купцам подтвердить, чтоб никто не дерзал продавать черные сукна и другие материалы выше той цены, по которой продавались они до кончины императрицы». И далее Болотов восклицал: «Купцам было сие хотя крайне неприятно, но известное всем обстоятельство, что государь любил точность в исполнении всего им повелеваемого, принудило их беспрекословно на то согласится, а государь получил за то от всех великую благодарность»⁵.

Болотов видел причину тому, что «поднялась цена на все» (особенно в Москве и Петербурге) и «сделалась во всем дороговизна», в «возвысившейся» во всем государстве цены на хлеб. Куль муки продавался по 8 и 9 руб., что было «всем крайне отяготительно». Болотов отмечал, что при вступлении на престол Павел I «употребил все, что только было возможно, к облегчению сего отягощающего весь народ зла». В Петербурге цена на хлеб была сбавлена на 2 руб. «с куля», что произвело у столичных жителей «великое удовольствие и благодарность». Власти стимулировали купцов продавать хлеб «сходнейшею ценою» и «отворяли» для этих целей «свои запасные магазины»⁶. Понизить цены на хлеб должна была и замена подушной подати в виде хлебных сборов денежными платежами (согласно высочайшему указу от 10 декабря 1796 г.). «Вкравшиеся» злоупотребления при приеме «свозимого крестьянами хлеба» сделали эту подать «крайне отяготительной для народа», вместе с тем некоторые магазины, удаленные от мест расположения войск, не удовлетворяя прямому своему назначению и не имея сбыта, не могли уже вмещать все более копившиеся хлебные запасы и власти повелели раздавать хлеб крестьянам частью заимообразно, частью через продажу с публичного торга⁷.

Болотов также с удовлетворением сообщал, что власти «отрешили» все прежние подряды и поставки для императорского двора

---

⁵ Болотов А. Т. Памятник претекших времен ... С. 18, 19 (ч. 2).

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 20.

и одновременно повелели все необходимое покупать у купцов ежедневно на рынке, что «наложило» преграду для мошенничества и позволило в течение месяца сберечь более 200 тыс. руб. «излишних расходов»⁸.

Описывая «воровские замыслы и козни» купцов, Болотов не преминул сообщить о мошеннических действиях, которые применяли и к ним самим «всевозможные господа замотайлова десятка». Как правило, проходимцы приходили в торговые ряды для покупки дорогих вещей и, заплатив небольшой задаток, предлагали купцу за остальными деньгами «пожаловать» к нему на квартиру. Купец соглашался и отпускал товар. Однако вместо квартиры проходимец приводил его в «дом сумасшедших» к доктору, которому объявлялось, что купец сумасшедший и «твердит о тысяче рублях и о проданных будто товарах». Получив 50 руб. на его лечение, доктор «велит его вязать и сажает на цепь». И далее Болотов с горечью отмечал: «И бедняк сей ждет месяц, другой и третий, и никто того не знает. Наконец, узнает его один из знакомых и освобождает из неволи, уверив, что он никогда сумасшедшим и не бывал»⁹.

Во второй части «Памятника претекших времен» под названием «Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла I» Болотов подробно изложил встречу императора с купеческой делегацией для поздравления его со вступлением на престол и «поднесения хлеба и соли на золотом блюде». Однако этим дело не ограничилось и Павел I «удостоил» купцов «своим разговором». Во время беседы император неожиданно заявил купцам: «Все сие хорошо и ему приятно, но неприятно то, что вы меня не любите». По словам Болотова, «купцы поразились словом сим как громовым ударом и разумнейший из них, собравшись сколько можно было с духом, отважился уверять государя о противном тому». Но Павел I повторял: «Нет, это неправда! <...> Я заключаю о любви каждого ко мне по любви его к моим подданным и думаю, что когда кто не любит моих подданных, тот не любит в лице их и меня. А вы-то самые и не любите их, не имеете к ним ни малейшего человеколюбия, стараетесь во всем и всячески их обманывать и, продавая им все неумеренной и над меру высокою ценою, отягощать их выше меры, а нередко бессовестнейшим образом и насильно вынуждать из них за товары двойную и тройную цену.

---

⁸ Там же. С. 60, 61.

⁹ Там же. С. 131 (ч. 1).

Доказывает ли все сие вашу любовь к ним? Нет, вы их не любите, а не любите их, не любите и меня, пекущегося об них, как о детях своих». Купеческая депутация стояла в «глубочайшем безмолвии», и никто даже не пытался сказать что-либо в свое оправдание. Болотов привел «прощальные» слова императора, якобы обращенные к «среднему сословию»: «Ежели хотите, чтоб я уверен был в любви вашей ко мне, то любите моих подданных и будьте к ним человеколюбивее, совестнее, честнее и снисходительнее и лишнее все оставьте, а удовольствуйтесь во всем умеренными себе прибýtками. Сим одним докажите вы мне любовь свою и заслужите от меня благоволение»¹⁰.

Безусловно, возникает вопрос: насколько в анекдоте представлена «истинность описываемого»? Как верно заметил Е. Я. Курганов, «не следует доверяться этому в высшей степени коварному жанру», его ценность в другом — в живом, убедительном, достоверном показе картины нравов¹¹.

Яркую зарисовку оставил Болотов о прославившимся «великим богатством» купце Василии Алексеевиче Злобине, чья история жизни «достойна быть записана в летописях российских». Сын крестьянина Злобин был волостным писарем в селе Мальковке, переименованном в 1780 г. в уездный город Волгск (Вольск) Саратовской губернии. В 1784 г. его единогласно избрали городским головой и переизбрали вновь через три года. «Случай» с генерал-прокурором Сената князем А. А. Вяземским, который ехал через Вольск в свое имение в Царевщине, изменил жизнь Злобина. Петербургский сановник по достоинству оценил коммерческие способности и ловкость вольского купца, что позволило последнему получить полезные связи в столице. Как отмечал Болотов, в Петербурге Злобин начал торговлю с продажи «разной мелочи», «в лавках продавал всякую посуду, харч и прочие неважные вещи» и уже через год получил доход в 5 тыс. руб., затем взял «подрядец небольшой» и заработал 15 тыс. руб., наконец, «через другой год увидел себя в 50 тысячах», начал входить в «большие подряды». Далее Злобина «взяли в часть откупщики петербургские и он стал ворочать и так проворить, что в 17 лет нажил более 2 миллионов»¹².

---

¹⁰ Болотов А. Т. Памятник претекших времен ... С. 21 (ч. 2).

¹¹ Курганов Е. Я. Анекдот как жанр русской словесности. М., 2015. С. 82.

¹² Болотов А. Т. Памятник претекших времен ... С. 95, 96 (ч. 1).

Злобин «ходил в русском платье и в бороде, а жена его в превеликом кокошнике и телогрее, хотя все сие было залито золотом и усыпано премножеством больших драгоценных камней и самих солитеров-бриллиантов». Болотов не без иронии отмечал: «Кокошник у нее так велик, что в двери пройти не может, а входит она боком, а бриллиантов у нее так много, что унижена ими даже телогрея, и в сем одеянии своем она сущая шутиха». Болотовский рассказ о «славном богаче Злобине» заканчивался словами: «Сей человек и поныне все еще занимается разными подрядами и поставками, и в Петербурге всем знатным очень знаком и ими, по богатству своему, любим и почитаем»¹³.

Болотов стремился также показать, что в среде купечества нарождались «новые люди», которые вели честный торг и стремились принести пользу отечеству. «Неслыханным и необыкновенным, делающим честь стране» назвал Болотов поступок московского купца Васильева, который «будучи стар и приближаясь к концу жизни», «имея великую торговлю и нажив себе хороший достаток» поместил в июле 1796 г. в «особом листке в газетах» сообщение о том, что «хочет перестать торговать и расплатиться со всеми своими должниками, и чтоб они <...> явились к нему или прислали поверенных для получения заплаты»¹⁴. Расплатившись с кредиторами и не оставшись должным никому, Васильев объявил, что оставляет без взыскания всех, кто должен ему по векселям и с поручителями и назвал их имена. «Набралось» 43 человека на сумму 92 530 руб. И далее Болотов восклицал: «Такую сумму партикулярному человеку уступить своим должникам, и уступить не малыми кушами, а кому 1, кому 2, 3, 4, 5 тысяч, кому 20, а одному 27 тысяч — дело было до сего неслыханное и необыкновенное, и делающее честь отечеству»¹⁵.

В «Памятнике претекших времен» (после даты 14 января 1796 г.) помещена записанная Болотовым легенда о происхождении богатства верхотурского купца и горнозаводчика Максима Михайловича Походяшина (1708–1781). Согласно ей, «славный купец и фабрикант» начал трудовой путь ямщиком, возившим, «подряжаясь на нескольких подводах, медную руду из рудников на заводы в Сибири». Однажды, остановившись на ночевку в лесу, он уснул

---

¹³ Там же. С. 96, 97.

¹⁴ Там же. С. 59.

¹⁵ Там же.

с работниками своими и не заметил, как лошади «распутались» и ушли. Проснувшись рано утром, спутники обнаружили пропажу, и разбившись «на три партии», пошли отыскивать лошадей. Походяшин нашел их на берегу реки и, «обрадовавшись, излавливает их всех». Далее Болотов отмечал, что Походяшин неожиданно «видит камень, похожий на руду медную, смотрит — узнает, что наилучшая руда, идет далее — находит более и более и открывает, что берег той речки на несколько верст укрыт медною рудою, лежащею на самой поверхности, он испытывает копать и открывает еще того больше»¹⁶. На этом месте Походяшин поставил опознавательный знак и затеял «великое дело». По возвращении из поездки он убеждает местные власти выдать ему 25 тыс. руб. «на заведение завода». Болотов заключал историю купца и горнозаводчика Походяшина словами: «Нигде не было еще столь изобильной и хорошей медной руды, и он в короткое время делается страшным богачом и начинает ворочать миллионами»¹⁷. «Промышленная империя» Походяшина состояла из Петропавловского железоделательного и медеплавильного завода (Североуральск), Турьинских медных рудников (Краснотурьинск), Богословского медеплавильного завода (Карпинск) и других.

Болотов упоминал и о сыне Походяшина Григории, наследнике многомиллионного состояния, который пожертвовал на просветительские предприятия издателя и масона Н. И. Новикова 300 тыс. руб. «без всяких обязательств»¹⁸.

Как видим, материалы, представленные в «Памятнике претекших времен» Болотова, позволяют в полной мере раскрыть образ купечества, сформировавшийся в российском обществе в 1790-е годы.

---

¹⁶ Болотов А. Т. Памятник претекших времен ... С. 10, 11 (ч. 1).

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же ; Попов А. Н. Новые документы по делу Новикова // Сборник РИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 117, 129, 155.